



ПРОСТЫМ УДАРОМ
ШИЛА



Ф.Ф.Г.С.,
«единственному вдохновителю...»

Глава первая

ПЕТТИГРЮ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА СЕВЕР

Фрэнсис Петтигрю угрюмо смотрел через окно своей адвокатской конторы в Темпле* на деревья вдоль Эмбанкмента** и серое мерцание реки за ними. Пейзаж никак нельзя было назвать непривлекательным, однако его он не радовал. Петтигрю был человеком консервативного склада и за двадцать лет привык видеть из этого окна мягкого красного цвета кирпичную стену в двадцати шагах от себя. Два месяца назад фугасная и несколько зажигательных немецких бомб открыли обзор, разрушив кирпичную стену и два квартала домов, скрывавшихся за ней. В первый раз с того времени как были построены, здания Темпла оказались у всех на виду. Петтигрю считал, что в этом есть нечто неприличное.

Вздохнув, он повернулся к человеку, стоявшему у него за спиной.

— Ну вот, — сказал он, — теперь на некоторое время это — твое. Если не считать пробоины в потолке, помещение неплохо сохранилось. Тем не менее будь осторожен с книгами. Некоторые из них весьма грязны.

* Темпл (от *англ.* temple — храм) — комплекс зданий в Лондоне, где располагаются инны — судебные корпорации адвокатов, имеющих право выступать в высших судах. Построен на месте, где в XII — XIV веках жили рыцари-тамплиеры и где стоял их храм. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Принятое в разговорной речи сокращенное название Набережной Виктории (Victoria Embankment) — одной из наиболее красивых набережных Лондона; расположена между Вестминстерским мостом и мостом Блэкфрайарз.

Особенно Мизон и Уэлсби вон там, в углу, на них просыпалось больше всего сажи из дымохода в соседней комнате. И разумеется, там-сям можно напороться на стекло. Полагаю, ты не собираешься перевозить сюда много своих книг?

Мужчина усмехнулся и ответил:

— О нет, совсем немного. А точнее сказать, только один том Хэлсбери. Я случайно прихватил его с собой в тот первый ночной налет. Это едва ли не единственная реликвия, сохранившаяся от блаженной памяти помещения суда Малберри. Очень любезно, что ты предоставил свою контору в наше распоряжение. Не представляю, что бы мы делали, если бы...

— Ни слова более, старина. Это ты окажешь мне любезность тем, что не дашь выстыть помещению, пока я буду отсутствовать.

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня же, как всегда. Я чувствую себя немного глуповато, начиная новую карьеру в моем возрасте, но, похоже, там я действительно нужен и не считаю себя вправе отказаться.

— А что именно за работа тебя ждет? Полагаю, она имеет отношение к одному из этих министерств?

Петтигрю напустил на себя чрезвычайно важный вид.

— Контрольное управление мелкой продукции, точнее булавок, — ответил он торжественно и добавил: — Когда-нибудь слышал о таком?

— Э-э... кажется, что-то слышал. Оно контролирует производство и торговлю всякой мелочью, полагаю?

— Насколько я мог понять, это весьма неточное описание его деятельности. Джентльмен, который беседовал со мной при приеме на работу, — а он был, заметь, ни больше ни меньше как заместитель помощника самого начальника управления, — дал мне понять со всей определенностью, что от деятельности управления зависит вся... Я забыл, как он выразился, но, уверяю тебя, это произвело на меня глубочайшее впечатление, я хотел

сказать, впечатление, превышающее масштабы мелкой продукции. И как юрисконсульт управления я буду представлять собой в некотором роде влиятельное лицо. Ты мог бы это понять, если бы потрудился заглянуть в шедевр развлекательной литературы под названием «Регламент ограничительных мер Управления мелкой продукции» от 1940 года, но я не советую тебе этого делать без крайней надобности.

— Не возьму в толк, почему ты не можешь консультировать их отсюда, из Темпла.

— Честно признаться, я тоже. Но Контрольное управление мелкой продукции базируется в Марсетт-Бее, туда я и направляюсь.

— Марсетт-Бей. Дай-ка подумать, где же это?

— Не ломай голову. Это где-то в районе Полярного круга, насколько я себе представляю. В самой глубинке. Нет, даже хуже — на самом краю того, что Шекспир назвал нашим «островом зубчатым Альбиона»*. Так или иначе, билет у меня в кармане, и если я не двинусь в путь сейчас же, то опоздаю на поезд. До встречи, старина. Присматривай за конторой. Если камин начнет дымить, что всегда случается при восточном ветре, лучше всего поднять дальнее окно дюймов на шесть и оставить дверь чуть приоткрытой. Тогда весь дым пойдет в соседнюю комнату, где работают клерки. Увидишь, это очень помогает, если, конечно, за дверью тебя не ждет особо важный клиент. Я напишу тебе и расскажу, как у меня дела. Могу даже прислать карту образцов мелкой продукции, обращающейся на черном рынке.

В отличие от большинства людей, обещающих писать и рассказывать о своих делах, Петтигрю сдержал слово. Не прошло и двух недель после его отъезда в Марсетт-Бей, как его арендатор получил первое письмо.

* Уильям Шекспир. Генрих V. Акт 3, сцена 5. Перевод Е. Биурковой.

«Дорогой Билл, — говорилось в нем, — тебе когда-нибудь снилось, что ты живешь в мраморных хоромах? Если да, то мне нет нужды описывать тебе это место. Полагаю, оно было задумано первым и, к счастью, последним лордом Эглуисврвом как величественный храм наслаждения, и построил он свою пирамиду (в которую вполне вписались столы Контрольного управления мелкой продукции) как раз накануне войны. Для этого безобразного сооружения он выбрал поистине восхитительное, хотя и чертовски ветреное место на высоком берегу моря. Как мог человек серьезно намереваться жить в таком чванном великолепии, не представляю. Вероятно, это и невозможно. По крайней мере его светлость умер через два месяца после того, как предпринял попытку, и с тех пор замок пустовал, пока какому-то гению не пришло в голову, что мраморные хоромы — идеальное место для обитания взводов машинисток, а бесконечные коридоры просто созданы для женщин-посыльных, чтобы бегать по ним, стуча каблуками, с папками или, того хуже, с чайниками в руках.

Мне выпала удача стать обладателем отдельной, умеренно тихой маленькой комнаты, предназначавшейся, как я догадываюсь, в качестве обители одному из слуг высшего ранга. В еще более тесной каморке рядом с моей расположилась моя секретарша. Она производит впечатление вполне квалифицированного работника и, слава богу, не склонна к болтовне — то ли немая, то ли просто робкая, этого я еще не понял, и лицо у нее из тех, что, раз увидев, никогда не вспомнишь. Так или иначе, сравнивая ее с другими здешними дамами — а я никогда и представить себе не мог, насколько забито женщинами будет это место, — я имею все основания быть благодарным судьбе за мою мисс Браун.

Что касается прочих сотрудников заведения, у меня пока не было возможности в них разобраться. Разумеется, есть начальник управления. Он обитает в олимпийском уединении библиотеки лорда Эглуисврва. Думаю,

он представлял бы собой вполне разумное человеческое существо, не будь он Высокопоставленным Государственным Служащим, на время одолженным министерством финансов для руководства этой аферой. Но как таковой он малодоступен. В труппе, подобной нашей, изобилующей дилетантами и временными работниками вроде меня, он редко кого хвалит и с очень немногими вообще разговаривает. Бедняга! Полагаю, в конце войны он получит за свой тяжкий труд орден Бани или нечто подобное, но это будет вполне заслуженно.

Единственно, с кем я успел познакомиться ближе, — это сотрудники, живущие в служебной гостинице, или пансионе, который приютил и меня. Все они представляют собой братство (или сестринство) адептов мелкой продукции, и я полагаю, что получу массу удовольствия, наблюдая за особенностями их поведения. Кроме мисс Браун, здесь имеется некое странное существо по имени Гонория Дэнвил, чья основная функция в управлении состоит в приготовлении чая — излишне говорить, что это самое важное событие рабочего дня. Мисс Дэнвил — заметно глуховатая пожилая дружелюбная дама, но, надо признать, определенно чокнутая. Еще есть мисс Кларк, горгона, которая управляет своим департаментом лицензирования с чудовищной эффективностью и которую я боюсь до смерти.

Что касается мужской части компании, то следует назвать препротивного малого по фамилии Рикаби, затем бывшего секретаря поверенного по фамилии Филипс — добропорядочного господина средних лет, который, подозреваю, имеет виды на мисс Б. (кстати, ты должен его помнить, ведь фирма «Мэйхью и Тиллотсонз», если не ошибаюсь, была вашим клиентом), а также существо в роговых очках, некто Иделман, которого я пока не раскусил, могу лишь сказать, что он чрезвычайно умен и превосходно играет в бридж.

Не буду утомлять тебя дальнейшими описаниями, упомяну лишь еще об одном весьма забавном открытии,

которое я сделал. Скромный человечек по фамилии Вуд оказался не кем иным, как писателем-детективщиком Эймиасом Ли. Уверен, что тебе попадалось кое-что из его писаний — порой довольно занимательных, хотя представления об уголовном судопроизводстве у него дикие. Очевидно, в течение некоторого времени он сохранял здесь свое инкогнито, поэтому смутился и покраснел до корней волос, когда я его разоблачил. Ему следовало бы присмотреться к местному колориту — прекрасный антураж для совершения убийства.

Кстати, это правда, что Барроуза-младшего прочат в Апелляционный суд? Мне казалось, что...»

Окончание письма представляло сугубо профессиональный интерес.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ СЮЖЕТА

Новость о том, что мистер Вуд пишет, вызвала живейший интерес среди обитателей пансиона «Фернли». Следует признать, что интерес этот не был ни в коей мере обусловлен знакомством с произведениями мистера Эймиаса Ли. Каждый член маленького коллектива тем не менее счел своим долгом по крайней мере как-то объяснить то, что не читал их. У мисс Кларк было «слишком мало времени для чтения», что при ее плодотворной сосредоточенности на том, чтобы заставить своих подчиненных работать максимально быстро, казалось немного удивительным. Вне работы она интересовалась только кинофильмами и не скрывала своего негодования по поводу того, что единственный в Марсетт-Бее кинотеатр мог позволить себе менять программу лишь раз в неделю. Мисс Дэнвил, напротив, имела массу свободного времени для чтения. Ее редко можно было увидеть без книги, но это почти всегда была одна и та же книга — ма-

ленький томик в кожаном переплете. Прочешь название книги возможным не представлялось, однако по выражению, которое приобретало лицо мисс Дэнвил, когда она в нее углублялась, нетрудно было догадаться, что книга религиозная. Учитывая это обстоятельство, было лишь естественно, что она тоже понятия не имела ни о «Смерти на станции «Бейкерлоо», ни о «Загадке скрученного галстука», ни о других творениях Эймиаса Ли. Но весьма неожиданно она искренне расстроилась по этому поводу.

— Когда-то мне очень нравились детективы, — объяснила она, — но теперь я перестала читать подобную литературу. — И она снова опустила взгляд в свою кожаную книжку.

Мисс Браун, когда ее спросили, только покачала головой, и ни у кого, тем более у скромного мистера Вуда, не хватило духа поинтересоваться причинами у особы столь юной, столь робкой и столь очевидно ошеломленной встречей с писателем во плоти.

Мужчины тоже, как выяснилось, не внесли своей лепты в авторские гонорары мистера Вуда. Мистер Иделман при упоминании псевдонима пристально посмотрел на его обладателя, пробормотал: «Боюсь, что нет» — и на этом закрыл для себя тему. Деликатный плешивый мистер Филипс, стараясь быть вежливым, заявил, что наверняка читал его книги — он берет в библиотеке все детективы. К сожалению, он никогда не запоминает ни их названий, ни фамилий авторов. Ни, судя по всему, содержания. Мнения Рикаби по обсуждаемой теме услышать не довелось. В тот вечер он отсутствовал, чему его соседи по пансиону были только рады. Таким образом, Петтигрю остался единственным признанным представителем читательской аудитории Эймиаса Ли. Право считать себя таковым давал ему тот факт, что он рецензировал два его последних сочинения для некоего юридического журнала, и, вспомнив о том, сколько процессуальных ошибок нашел у автора, он возблагодарил издателей за то, что рецензии не были подписаны.